

— И всё же имя Да Хэй... как бы это сказать... чересчур простовато, — Хуа Ханьчжан тактично поправил себя, хотя изначально хотел назвать кличку откровенно убогой. — Сама по себе чёрная пантера — зверь благородный, грозный и невероятно сильный, а теперь он ещё и пробудил стихию огня. Мы ведь давно считаем его боевым товарищем, а не просто домашней зверушкой. И если мы продолжим кликать его «Да Хэй», то от его величественного вида не останется и следа.

Лао Цзян, парень бесхитростный и добродушный, выслушал восторженную тираду Хуа Ханьчжана, проглотил кусок и вставил:

— Но Босс Хэ говорит, что он весь угольно-чёрный, глазу не за что зацепиться, да ещё и в жёлтых пятнах каких-то — сущий уродец. И вообще, Босс считает: в деревнях кошкам да собакам всегда дают простые, прилипчивые клички — так они и растут здоровее, и живут дольше!

Пантера словно поняла, о чём речь. Зверь возмущённо фыркнул и негромко, с явной обидой рыкнул в сторону Хэ Чэншуана. Тот лишь окинул его тяжёлым взглядом, мгновенно придавив волю хищника своей аурой, и леопард понуро уткнулся мордой в лапы.

Хуа Ханьчжан прикрыл рот ладонью, пряча улыбку.

«Уж кто-кто, а Цинжан точно не стал бы отделываться такой нелепой кличкой», — подумал он.

Е Цинжана это развеселило. Он и сам втайне не одобрял прошлый выбор Хэ Чэншуана.

— Раз уж наш Да Хэй принадлежит к стихии Огня, может, подберём ему имя, связанное с пламенем?

Хуа Ханьчжан оживился:

— А что, отличная мысль! Ну-ка, дайте подумать... Как вам «Фэньбин» — Плавающий лёд? — Он тут же сам рассмеялся своей выдумке и замахал руками: — Нет-нет, глупость какая. Звучит вычурно и претенциозно, уж лучше тогда оставаться Да Хэем.

Хэ Чэншуан, которому явно не нравилось, что его вариант забраковали, повернулся к Е Цинжану:

— К слову, вытащил его с того света именно ты. Считаю, подарил вторую жизнь. Так что будет справедливо, если он возьмёт твою фамилию — Е.

Е Цинжан покачал головой:

— Если рассуждать в таком ключе, то выхаживал и лечил его ты. Без твоего покровительства он бы не протянул долго. Как тогда быть с этим?

Хэ Чэншуан прищурился, и в его взгляде проскользнул лукавый намёк:

— И то верно. Но раз уж мы теперь одна семья, сыну полагается носить фамилию отца. Значит, быть ему Хэ!

Е Цинжан никак не ожидал такой двусмысленной вольности и в мгновение ока густо покраснел до самых ушей. Но хуже всего было то, что простодушный Лао Цзян воспринял шутку за чистую монету и радостно воскликнул:

— Точно! Дети ведь всегда берут отцовскую фамилию! Так что нашему чернышу фамилия Е не подходит, а уж Хэй — тем более. Быть ему Хэ!

Хуа Ханьчжан, едва сдерживавший смех, окончательно прыснул в кулак и закивал:

— Безусловно. Железная логика.

Хэ Чэншуан остался крайне доволен эффектом. Скрывая торжествующую ухмылку, он любовался смущением Е Цинжана и великодушно уступил:

— Ну а само имя выбери ты.

Сделав глубокий вдох, Е Цинжан попытался вернуть самообладание и сердито зыркнул на Хэ Чэншуана. Впрочем, реакция Хуа Ханьчжана его успокоила. Этот парень обладал редкой чуткостью и проницательностью — он наверняка давно догадался об их отношениях с Чэншуаном, но не позволял себе ни колкостей, ни брезгливого уклонения. Подобное деликатное молчание было проявлением высшего уважения.

— Пусть его зовут просто — Жун.

— И каково толкование? — поинтересовался Хуа Ханьчжан.

— Во-первых, это отсылка к Чжу Жуну, древнему божеству огня, — принялся объяснять Е Цинжан. — Во-вторых, иероглиф «жун» означает плавление, слияние твёрдого под воздействием тепла, что идеально соотносится с природой пламени. Кроме того, в нём заложен глубокий смысл гармонии, взаимопонимания и долголетия. И наконец, по системе У-син этот знак принадлежит к стихии Земли. Вода тушит огонь, но земля сдерживает воду. Земное имя убережёт его от уязвимости и укрепит его пламенную силу. Пусть растёт бесстрашным и могучим.

Стоило ему договорить, как леопард пружинисто вскочил и принялся взволнованно кружить между Е Цинжаном и Хэ Чэншуаном. Его длинный угольный хвост игриво мазнул Е Цинжана по подбородку, защекодав кожу жестковатой шерстью.

Хэ Чэншуан искренне рассмеялся:

— Видно, пришлось по душе. Хэ Жун... Отличное имя, звучное!

Когда весёлый гул утих, Хуа Ханьчжан перевёл взгляд на Лао Цзяня и, немного помедлив, осторожно спросил:

— Лао Цзян... а ты правда не помнишь, как тебя зовут на самом деле?

Тот на мгновение замер и перестал улыбаться.

— Забыл, — глухо обронил он.

Хуа Ханьчжан понимал, каково это. Е Цинжан как-то обмолвился, что родные выбросили Лао Цзяня на улицу, когда тому было около десяти лет — просто осознали, что его врождённое отставание в развитии не поддаётся лечению, и решили избавиться от лишнего рта. Разумеется, десятилетний ребёнок не мог напрочь забыть собственное имя. Скорее всего, дело было не столько в особенностях разума Лао Цзяня, сколько в глубокой психологической травме: его сознание само вычеркнуло всё, что связывало его с жестоким прошлым.

И всё же Хуа Ханьчжана сегодня словно что-то тянуло за язык. Он решил стоять на своём:

— «Человек оставляет после себя имя, как летящий гусь — свой крик в небесах». Мой дед всегда повторял, что имя — это не просто случайный набор букв, который можно выбрать наобум. Оно определяет судьбу. Каково имя, таков и человек. Без истинного имени у человека нет стержня.

Он ненадолго умолк, переводя дыхание, а затем продолжил:

— Постоянно звать тебя «Лао Цзян» — мало того что звучит тяжело, так ещё и лишает тебя юношеского задора. Будто мы обращаемся к какому-то дряхлому старику под шестьдесят. Это совершенно тебе не подходит!

Заметив, что Лао Цзян слушает без обиды или раздражения, Хуа Ханьчжан воодушевился:

— Взять хотя бы меня. Имя мне подарил дед, и я им искренне горжусь. — В его голосе промелькнула мимолётная грусть, уступившая место тихой радости. — Слава богу, мой отец, Хуа Минжуй, не приложил к этому руку. Для меня это как благословение — чувствую, что

нитей, связывающих меня с той семейкой, стало на одну меньше.

— И что же оно означает? — с любопытством спросил Лао Цзян.

В глазах Хуа Ханьчжана вспыхнул пронзительный огонёк. Он негромко, чеканя слова, произнёс:

— В трактате «И Чжуань» сказано: «Тая в себе прекрасное, оставайся верным долгу; яви величие своё, когда настанет час».

Лао Цзян лишь озадаченно почесал в затылке. Хэ Чэншуан понимающе прищурился, а Е Цинжан весело рассмеялся и пришёл на помощь:

— «Хань» — значит скрывать, утаивать. «Чжан» — чистота, достоинство и красота души. Обладать великими добродетелями, но не выставлять их напоказ; таить в себе редкий талант, не хвастаясь им перед толпой, и терпеливо ждать своего часа, чтобы в нужный миг взмыть в небеса!

Хуа Ханьчжан восхищённо вздохнул:

— Цинжан, твои познания в классике неоценимы.

— Твой дед был человеком глубокой мудрости, — серьёзно ответил Е Цинжан. — То, что мне не суждено было побеседовать с ним лично, — большая потеря.

Хуа Ханьчжан справился с нахлынувшими чувствами и с улыбкой парировал:

— Ну, дружба с его любимым внуком — тоже неплохая замена!

— Ладно, вернёмся к делу, — улыбнулся Е Цинжан. — Судя по всему, ты уже придумал имя для нашего Лао Цзяня?

Хуа Ханьчжан согласно кивнул:

— В трактате «Лао-цзы» есть прекрасные строки: «Великая мудрость подобна глупости, великое мастерство — неумелости, великий звук едва различим, а великий образ не имеет формы». Это поразительная истина. Из-за своего недуга Лао Цзян натерпелся в жизни всякого, но я вижу, какая у него чистая, неиспорченная душа. То, что люди презирали и гнали его за простоту ума — разве это не то же самое, как если бы меня презирали за моё происхождение? Пусть его зовут Цзян Жоюй. Тот, кто «подобен глупцу», но на деле таит в себе глубокую простоту и величие. Это имя созвучно с моим собственным!

На лице Цзяна отразился искренний восторг — имя Жоюй пришлось ему по вкусу. Глядя на него, Е Цинжан наконец до конца понял, почему Хэ Чэншуан заставлял друга держать лицо «каменным» и казаться суровым. Не будь у него этой защитной маски, любой проходимец в два счёта обвёл бы добродушного великана вокруг пальца.

К удивлению присутствующих, первым идею поддержал Хэ Чэншуан:

— Превосходное имя. Настанет день, когда те, кто выбросил его как ненужную вещь, горько пожалеют о своей глупости.

Цзян Жоюй широко улыбнулся и кивнул Хуа Ханьчжану:

— Мне нравится! Куда лучше, чем этот их «Хэ Жун».

Получив от Хэ Чэншуана немедленный ледяной подзатыльник взглядом, он тут же притих и втянул голову в плечи.

Хэ Чэншуан усмехнулся, уходя мыслями в прошлое:

— Когда мы только сошлись, я звал его просто А-Цзян. Потом, когда я занял место прежнего босса, привык величать его Лао Цзянем. С тех пор без малого десять лет пролетело. Переучиваться уже поздно. Пока он идёт за мной, так и буду звать его Лао Цзянем. До тех самых пор, пока мы оба не превратимся в настоящих, немощных стариков Хэ и Цзяня.

Цзян Жоюй резко выпрямился. В памяти пронеслись долгие пятнадцать лет лишений, голода и бесконечных дорог, которые они одолели плечом к плечу. В его горле встал ком, а голос дрогнул:

— Да пусть хоть весь мир рухнет, ты для меня всегда будешь Боссом Хэ. И в жизни, и в смерти.

От этих слов у Хуа Ханьчжана тоскливо защемило в груди. Даже Е Цинжан почувствовал лёгкое смятение. Впрочем, последний прекрасно понимал: пусть между этими двумя не было романтической привязанности, их связь — как побратимов, названных братьев, командира и преданного бойца — ковалась в таком горниле испытаний, какое большинству людей даже не снилось.

Поэтому Е Цинжан мягко нарушил возникшую паузу:

— Вы пятнадцать лет вместе, привычка сильнее нас. Мне поначалу тоже было непривычно, но за эти месяцы я свыкся. И всё же Ханьчжан прав. Нам предстоит встречаться со многими людьми, и Лао Цзяню необходимо достойное имя. Не хватало ещё, чтобы каждый встречный-поперечный панибратски окликал его «Лао Цзян».

— Всё верно! — с готовностью согласился великан. — Босс и Сяо Е пусть зовут меня по-прежнему, Ханьчжан пускай зовёт Жоюем. А все остальные извольте обращаться уважительно, по полному имени!

Цзян Жоюй невольно сжал кулаки. В памяти яркой вспышкой отозвались голодные годы скитаний. Подросток, вечно чумазый, в обносках... Без дома, без родителей, даже без собственного имени! Беззащитная мишень для пинков и насмешек уличного отребья. Естественно, его шпыняли все кому не лень.

Хуа Ханьчжан лишь недовольно поджал губы.

«Это ты решил звать меня по имени, я-то тебя величать Жоюем не обещал! — ворчал он про себя. — И надо же... у такого угрюмого и нелюдимо сухаря, как Хэ Чэншуан, есть преданный до гроба соратник. А я? Из кожи вон лезу, каждому улыбаюсь, со всеми обходителен — и кто меня окружал? Свора завистливых лицемеров да прихлебателей. Где справедливость?»

Мысли эти почему-то ужасно его разозлили. Ханьчжан поймал себя на том, что рядом с этим простодушным увальнем ему всё труднее удерживать маску изысканного, безупречного аристократа. Вообще-то, это он, Хуа Ханьчжан, спас великану жизнь! Но Цзян Жоюй упрямо продолжал заботиться о нём, предугадывая каждое желание и никогда не переча.

Аппетит мгновенно пропал. Отложив палочки, Хуа Ханьчжан промокнул губы салфеткой и строго бросил великану:

— Ладно, я к себе — нужно продолжить медитацию. Посуда сегодня на тебе!

Жоюй послушно закивал и тут же вскочил со стула. Однако из-за своей непомерной силы он так неловко ухватил тарелки, что те оглушительно забрякали. Е Цинжан, не выдержав этого грохота, со вздохом забрал у него посуду. Хэ Чэншуан же велел верзиле проваливать в комнату и не отлынивать от тренировок.

Последнее время Хэ Чэншуан подмечал ещё один плюс от присутствия Хуа Ханьчжана: парень обладал выдающимся умом и схватывал суть практик на лету, благодаря чему ухитрялся доходчиво разьяснять тонкости медитации даже тугодуму Жоюю. Не будь рядом Ханьчжана, Цзян со своими бесконечными расспросами давно бы свёл Е Цинжана с ума.

Минул ещё один день, затем другой. Для измотанных апокалипсисом скитальцев эти тихие будни в укрытии стали настоящим благословением. Однако бесконечное затворничество не могло длиться вечно — без практического опыта развитие зашло бы в тупик. На рассвете шестого дня, собрав нехитрый скарб, четвёрка погрузилась во внедорожник и взяла курс на таинственные леса Шэньнунцзя.

Что же касается Хэ Жуна, то Е Цинжану оставалось лишь поражаться поистине сверхъестественной выносливости мутировавших зверей. Обретя духовную силу Огня, леопард окреп настолько, что прежние ограничения стёрлись: теперь он мог без усталости бежать за машиной почти весь день.

Накануне Цзян Жоюй попытался в шутку приподнять хищника, надеясь прикинуть его вес по старой памяти — когда тот весил от силы килограммов пятьдесят. Но Жоюй не рассчитал сил, покачнулся и едва не растянулся на полу. Как оказалось, плотность мышц и костей зверя многократно возросла. С такой физической мощью Хэ Жуну теперь были нипочём любые прямые удары.

<http://bllate.org/book/19006/1987017>